

О.В. МИХАЙЛОВА

КАРГОПОЛЬСКИЕ И НЯНДОМСКИЕ КОЛДУНЫ

В 2003 г. этнолингвистическая экспедиция РГГУ закончила обследование Каргопольского р-на Архангельской обл. и летом 2004 г. начала работу в соседнем Няндомском р-не, расположенном восточнее. Была обследована Моша — большой куст деревень вокруг Мошинского (Никольского) озера. Няндомский р-н — сравнительно позднее образование, он создан в 1929 г., а до этого его территория была частью Каргопольского уезда, который как административно-территориальное образование появился в XV в. после политического подчинения Новгородом Москве. С XV по XX в. контуры уезда претерпели ряд изменений, но очевидно, что современные Каргопольский и Няндомский р-ны расположены на территории с единой многовековой традицией. Это не исключает, однако, некоторых различий, обнаруженных в ходе работы экспедиции в с. Моша Няндомского р-на.

Людей, обладающих тайным знанием, как в Каргопольском р-не, так и в с. Моша Няндомского р-на, называют *колдунами* (*колдовками*, *колдушками*), *знахарями* (*знахарками*), *знающими*, *реже — знатками* (*знатухами*).

Наиболее распространенный сюжет, связанный с колдунами — поиск потерянного скота или потерянной (украденной) вещи. «К нему [колдуну] подходили люди и говорили, что вот украли то-то, то-то, то-то, то-то... Он спрашивал: "Вы хотите увидеть вора или только чтобы осталась принесена вещь его?" То есть он вещь принесёт и уйдёт, вы его даже знать не будете, кто, ну, в зависимости от человека, кто что хотел. И говорит, так и было, захочет человек, чтобы только вернули краденое, утром, говорит, у него уже на пороге эта вещь украденная лежит. Если что, говорит, вот принесут, говорит, и стоит, говорит, пока хозяин его не отпустит, скажут так: "Иди с Богом". Вот тогда только пойдёт. Так, говорит, как будто бы как ну... как будто сойти с места человек [не может], ну как парализованный стоит» [3]. «Даже было так, что потеряется скот, потеряется где-то, вон бабка была одна, что она даже знала, могла эту скотину найти. В рот травинку, как говорится, и определит, где,

в каком месте, скажет: "Иди, вот там ищи в том-то месте твоя корова... и там твой барашек потерялся". Вот это было так. Травинку ложит в рот, вот травку. От надо было на Иван-то день идти было, самоё, раздеваться было идти в ночь... ночью, идти голому, срывать травку вот эту отворотную, колдовскую, в общем, траву, ну и самоё... и взапятки [спиной вперед], самоё, прийти домой <...> Вот если кто украл, например, вот эта травка, она человека заставит вернуть. Бабка слова скажет, которая знала это дело — всё уже замучит того человека [вор будет мучиться, пока не вернет украденное]» [16].

В данном тексте появляется интересный мотив, которого не было в Каргопольском р-не, — поиск пропавшей вещи с помощью колдовской травы. В Моше в ответ на вопрос, как найти потерянную (украденную) вещь, информанты отвечали чаще всего, что для этого нужна особая трава, которую нужно положить в определенное место, и вор сам принесет украденное. «[Как обнаружить, кто что-то украл?] Надо ворожить. А ворожить надо искать травинку, какая-то есть в лесу растёт травинка, и травинку эту ложат под дом, там под какой кто... лихой-то, лихой-то, дак к йим под дом, и его испугает эта трава. Да» [17].

«[Как искали потерянную вещь?] Дако опять бабку-ту, колдунью-ту ищут, что бабка знала <...> Травинку какую-то кладут, говорят. Но. Какую-то травину кладут, что есь така, говорят, специальна травина, что потом принесёт-от человек [украденную вещь]» [9]. «Например, чё утеряешь, и эту травину, папоротник или вот травину такую положишь и что утеряла, дак найдёшь. Принесут тебе <...> Но вот её надо вот Иванов, в Иванов день обязательно рвать эти травы, которые... вот полезные. И надо знать заранее, где оне растут, и ходить в двенадцать часов ночи, собирать. Вот ранш... раньше старушки собирали, вот когда чего эта... кто утеряют, дак и они ложили травинку и находили» [18].

В Моше, кроме того, был записан заговор, с помощью которого колдуны могут найти потерянное или украденное. «Например, потерялось у тебя чего-то, ну какая вещь там потерялась, даже деньги или чего-либо. Значит, ты должен идти в двенадцать ночи на перекрёсток доро-

ги, ну вот дорога переходит <...> Ты должна в это место прийти, ну не обязательно точно в это, ну где-то приблизительно в это <...> Значит, приходишь, значит, ищешь ну... какая веточка или палочка, ну такая, чё попадётся, конечно ведь... или там прутик какой. Значит, приходишь домой... приходишь домой... вот заходишь не д... не там, а вот с обратной стороны, не домой зашла, а там, с другой стороны. Приходишь, ну вот, значит, и говоришь... вот... Вот: "Дедушка и бабушка, я пришла к вам не с гордостью, а с великой покорностью... вот... Кто взял мою вещь — ну, я так скажу, ну пускай хоть ну деньги, пускай — кто взял мои деньги, того человека мучь и канай, днём и ночью покоя не давай. А вот вам пруток, и пригоните его сюда. Вот. Аминь". И говоришь три раза. Вот. И воткнёшь над дверями. С улицы» [12].

В этом тексте появляется еще одна особенность, характерная для Моши и не наблюдавшаяся в Каргополье, — это обращение к домовым «дедушка и бабушка» или «дедушка домовая и бабушка домовая». Интересно, что в Моше встречается наименование домового *домовей* и водяного *водяней* (генитив — *домовея*, *водянея*) — чего совсем не было в Каргопольском р-не.

Особую категорию колдунов составляют люди, знающиеся с чертями (бесами). Бесы помогают колдуну в ведении хозяйства, на охоте, рыбалке, охраняют его дом и имущество, он же должен регулярно давать им работу. «А тут рассказывала мне ещё одна женщина. У неё какие-то бесенята действительно были. Говорит, подруга пришла, говорит, она придёт, у ней огород в порядке, сена накосят, все полосы жито, все колоски собирают, всё-всё-всё. А она только сидела. Их кормила, да у неё было трое. А подруга-то пришла и ей и говорит: "Ну-ка, покажи мне, — говорит, — твоих работников-то. Покажи, — говорит, — какие они есть-то". Она пришла, говорит, сидят таки, в рубашках каких-то одеты, таки каки-то красные тут у них шарфики одеты. Посмотрела: "Ради Бога, отпусти меня домой!" Говорит: "А не бойся, они ведь тебе ничего не сделают". Эта бабка-то вино пила и ходила в гости. Вот она пойдёт гулять и мешок льняного семени в сено высыплет, шоб они [бесы] были с работою. Она очень трудолюби-

И вот они там это всё переберут, все семечки, весь мешок соберут до одной семенички, ей пойдут искать, её нету <...> Ну вот она только придёт [в гости], её, значит, [бесы] подтыкают. Подтыкают-подтыкают, и щиплют, и подтыкают, а она: "Ой, да отстаньте вы, да я иду сейчас, идите домой!" Сама с ними разговаривает, а народ-то ведь слышит посторонний. Значит, у неё действительно кто-то есть тут, а они не видят, боятся даже поглядеть-то. А она с ними разговаривает <...> А работы не давать, дак они ей замучают. Она их всё на работу и посылала. Как у ней всё было везде вымыто, вычищено, дак ух, всё блестело» [15].

В Моше было записано несколько рассказов о людях, знавших с бесами. «[Колдун, который знался с чертями] никогда дверей не закрывал, ничего, куда бы он ни пошёл, всегда... на охоту идёт, он с охоты всегда много всего несёт, на рыбалку поедет — всегда много всего несёт, а говорили, что если у него черти не... не заняты делом, дак его не дают ему покоя. Так он раскидывал целую миску льняного семени. Об стену прямо во двор бросит. А им скажет: "Собирайте!" Вот они пока собирают, он спокойно спит, его не тревожат» [6]. «У нас была одна, там она всё говорят: "Биси, биси" — а какие биси? <...> Кто их знает, какие у ней биси были <...> Биси, вот она колдовала всё, дак она умирала, дак на стену прыгала. Да. Ей держать не могли, она очень долго, трои сутки и помирала <...> Она вот, она облегчить себе смерть должна себе, дак она говорила моей бабушке, что она этих передать [должна], эти слова. Слова вот эти, не сами биси, вот какие-то слова, что как с бисями знающи. Им, говорят, надо в каждый день этим бисям, их надо утром, и в обед, и вечером, и надо тожо накормить, я не знаю, не знаю, чем она уж, словами ли как-то кормила, уж не знаю, чем» [8].

Если вовремя не дать чертям работу, они могут мучить колдуна и даже убить. «Да его-то [колдуна] и утопили. Наверно, работу не дал, дак утопили, он вот в Няндоме, в Кислом озере. Говорят, такой плотик хороший, он на этом плотике сидел, удил и почему-то утонул. Все удивляются. Мол, наверно, черти утопили» [6].

Очень устойчиво как в Каргопольском, так и в Няндомском р-не поверье о том, что колдуны тяжело умирают, не могут умереть, пока не передадут знание (не отдадут кому-либо своих чертей).

«Как-то не знаю, почему так говорили про неё [колдунью Матрёну], что она знается с чертями. И он ещё у меня брат этот выпивать любил и пришёл... она это уже старая Матрёна была, ей уж... она старше моей мамы, ей уж было где-то девяносто с чем-то лет, а мой брат уже вот здесь жил на Погосте, но по... по пьяной лавочке пошёл к ней. Звали всё её Матрёшка. "Матрёшка, ты отдай мне своих чертей, вот ты как теперь умирать будешь? Тебе, вроде того что, мол, черти не дают покоя, трудно умирать". Надо его... их куда-то послать, чтобы они работу какую-то... в это время умереть, вот он пошёл с пьяных глаз, пьяный совершенно: "Матрёшка, отдай ты мне своих чертей, ты хоть умрёшь, я им дело дам". Ну вот. Ну она, бедная старуха, испугалась: "Что ты, что ты, Ванька, что ты, Ванька, не... не выдумывай!"» [13]. «Вот, например, ты знаешься с чертями, они тебя вот ить они будут требовать работу у тебя, чтобы им... чтобы работой они были загружены, и ты давай им, чтоб вон... "Вы идите вот это сделайте, это сделайте". У нас вот была старушка одна, одна старушка, дак она то... так говорили, что зналась с чертями, я уже не жила дома, она умерла, так она сестре передала, потом сестра опять куда-то, а если умрёт человек и он не передаст этих чертей, вот, говорят, и даже из могилы могут вырывать. Вот уж... они [черти] будут плакать ходить на могилу, там плакать тоже» [2].

Есть несколько способов облегчить смерть колдуна. «Вот колдуны умирают, это я слыхала, так надо обязательно в потолке сделать дыру, иначе он будет мучиться. Чтобы вышел из него нечистый дух. И передавать они должны [знание], иначе он не умрёт, будет мучиться» [14]. «Который вот умереть долго не можот, так открывают трубу, одна знахарка там была, она там поговорит, трубу откроет, и сразу легче станет покойнику, он так задышит и умрёт» [5]. «Баба Поля тоже вот долго не умирала, дак Алла брала с трёх огородов землю. С трёх грядок, но не со своих, что вот у меня взяла, ещё у кого-то взяла и у себя взяла. Залила водой, процедила и дала ей попить. Ей легче. Чтоб легче душа отошла» [7].

Передача колдовского знания чаще всего описывается как передача слов: колдун говорит слова, а преемник его записывает их или заучивает. Но встречаются и другие представления о пере-

даче знания. «Надо им [колдунам] сдавать это все, кому-то другому передать, а если долго не передаст, дак и не может умереть долго, и будет мучиться. Вот тут вот старуха одна умирала. Она не могла сдать, у ней никто не взял <...> Она говорит: "Пойдём в баню, выйдет лягуха большая, жаба. И вот она выблюнет чего-то, а это надо съесть, шлаки". Ну вот и побоятся и не идут. "О, я не хочу такого". Она не могла сдать. И вот все родственники собрались, все кругом сидели. Она неделю, наверно, так руками по стенке хлопала, вот так вот мучилась, мучилась. И потом как двенадцать часов стало ночью, все уснули, кто где сидел, тут приземлился, и все спят. А старуха проснулась, ей вот так вот язык вытянули, и старуха умерла. Вот эти бесы-то у ей вытащили язык-то, што ты нас покинула. Вот так» [15]. «У меня дедушка был колдун, как он умирал тяжело, колдовство не мог никому сдать. Никак не облегчало ему. Он сдавал нам, но никто не соглашался — надо было из его рта слюну себе брать, проглотить эту слюну надо» [11].

В Моше на вопрос, кому можно передать знание, в большинстве случаев информанты отвечали, что передать можно только человеку, в основном родственнику. Чужим колдуны знания не могли доверить.

В Каргопольском р-не распространено мнение, что, если никто не хочет принять у колдуна знание, он может наговорить его на какой-нибудь предмет или передать какому-нибудь животному и умереть спокойно. «Здесь была у нас бабулька. [Когда она умирала] её всю вывернуло наизнанку, всю перекутило, так она говорит, что: "Дайте мне курицу". Курицу ей принесли, она шептала, шептала, и курица умерла сразу, раньше её умерла курица. Ещё рассказывали: раньше надо было передать это всё, и никто не брал. Веник — звали "голик" — берёзовый, вот она передала голику, так тот голик весь разлетелся по веточкам по комнате» [1]. «А тот [колдун] дак он должен передавать слова. Что вот, что он знал, дак это надо передавать. Надо сходиться в баню, да там он какие слова наговорит. Да веник, от березы веник, дак вот на веник [наговорит], да этот веник выбрасывали. На улицу выбросят, на опашку, чтоб эти слова все разлетелись по ветру, чтоб его не мучило, человека. Этого уж веника никто не подбирает. Просто его выкинут, евонные слова по

ветру разнесет, да и всё» [4]. «Знаешь, трудно умирать тому, кто колдун. Или трубу открывают, или на потолке половицу поднимают. Ежели он не сдаст, нихто у него не примет, ему очень трудно умирать, вот колдунам. Вот тут одна бабуля умирала, так она просила одну принять, а что она делала, хорошее колдовала или плохое — не знаю. Дак она ходила, на камешки сдавала перед смертью. На камни. На любые, потому что у ней никто не принял, ейное ништо, дак всё равно она должна... пошла сдала на камни, чтобы ей было легче помирать» [10].

Итак, уже в первом из обследованных нами сел Няндомского р-на нам удалось обнаружить некоторые отличия от каргопольской традиции, касающиеся распространённости некоторых сюжетов, номинации фольклорных персонажей, деталей ранее известных сюжетов. Дальнейшие исследования в Няндомском р-не покажут, насколько его традиция отлична от каргопольской.

Список информантов

1. Березина Татьяна Кузьминична, Кречетово.
2. Богданова Зоя Михайловна, 1934 г.р., Моша.
3. Грушко Борис Леонтьевич, примерно 1950 г.р., учитель истории, краевед, Моша.
4. Заседателева Клавдия Петровна, 1927 г.р., Хотеново.
5. Коржина Анастасия Петровна, 1923 г.р., Ухта.
6. Косильникова Галина Александровна, 1932 г.р., Моша.
7. Крюкова Валентина Ивановна, 1947 г.р., Казаково.
8. Мохова Валентина Дмитриевна, 1926 г.р., Мрга.
9. Первушина Юлия Викторовна, 1931 г.р., Моша.
10. Романчук Мария Ивановна, 1923 г.р., Кречетово-Евсино-Ручьевская.
11. Ръжова Анна Александровна, 1930 г.р., Кречетово.
12. Спирина Галина Анатольевна, 1935 г.р., Моша.
13. Третьякова Екатерина Николаевна, 1930 г.р., Моша.
14. Хазова Мария Степановна, 1924 г.р., Бор-Заполье.
15. Хорёва Анна Ефимовна, примерно 1915 г.р., Архангело.
16. Щипунов Алексей Иванович, 1951 г.р., Моша.
17. Щипунова Анастасия Павловна, 1921 г.р., Моша.
18. Юрьева Валентина Федоровна, 1938 г.р., Моша.

ЛИ ЧЖЭ ЧЖУН

ДОМАШНИЕ ДУХИ В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В русской традиции образ домового тесно связан с представлениями о благодетельных предках, обеспечивающих благополучие в доме; иногда домового представляли в облике хозяина дома (живого либо умершего), последнего умершего члена семьи или самого старшего человека в семье. При переезде в новый дом надлежало совершить особый ритуал, чтобы уговорить домового переехать вместе с хозяевами. Русский домовый участвует во всех повседневных делах и заботах семьи. Если его не приглашают в новый дом или он покинет дом сам, семью ждут «несчастья, болезни, падеж скота и разрушения хозяйства»¹.

В корейской традиции существует довольно большая группа домашних духов (Сонджу, Самсин, Джосан (Бабушка-предок), Тоджу, Чован, Оп, Ёнданди), а также демонический персонаж по имени Токкэби.

Сонджу управляет судьбой семьи. Этот персонаж является наиболее высоким по статусу домашним духом. Он отождествляется с самым старшим, главным мужчиной в семье и принимает вид хозяина дома. Приглашение Сонджу в новый дом сопровождается особым обрядом. После построения дома определяют благоприятный день, утром хозяин входит в новый дом первым. Ему нельзя брать что-либо с собой, вещи вносят остальные члены семьи. Выносить что-либо из дома в этот день запрещается. Обращаясь к Сонджу, хозяева приносят жертвы — рисовую водку, рисовый хлебец, обваленный в толченой красной фасоли, и чистую воду (ил. 1). Этой водой обрызгивают ветками ивы все комнаты, двери и окна, произнося заговор.

Ил. 1

Воплощением этого духа являются бумажный пакет, завязанный ниткой (ил. 2а), или глиняный кувшин с рисом (ил. 2б). Предмет, воплощающий Сонджу, ставят в комнату с деревянным полом, находящуюся в центре дома, или вешают на стену этой комнаты, иногда обвязывают бумагу вокруг главного столба, держащего крышу дома; глиняный кувшин с рисом ставят в углу комнаты. При переезде в другой дом эти предметы хоронят или сжигают.

Ил. 2а

Ил. 2б

Существует отдельный обычай чествования и угощения Сонджу, который проводится в большие праздники — 1-й день первого месяца по лунному календарю, 15-й день первого месяца², 8-й день четвертого месяца³, 15-й день восьмого месяца⁴, один из дней в 10-м месяце⁵ после сбора урожая и в день зимнего солнцестояния⁶. Обряд проводит

ЛИ ЧЖЭ ЧЖУН, аспирантка Санкт-Петербургского гос. университета